

УДК 81

*А. Л. Кошелева*

*Хакасский научно-исследовательский  
институт языка, литературы и истории  
г. Абакан, Россия  
redaction-el@mail.ru*

**РУССКО-ХАКАССКАЯ ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ПОЭЗИЯ:  
ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНДИОСТИЛЯ  
В ПОЭЗИИ С. МАЙНАГАШЕВА**

**[*Kosheleva A. L. Russian-khakass transcultural poetry: identity problems  
of an identity and an individual style in v. Mainagashev's poetry*]**

In the article conceptually-aesthetic and national peculiarity of an individual style in a modern Khakass poet S. Mainagashev's poetry is reviewed as one of performances of transnational literature and elite poetry. What is the origin of transcultural elite poetry? Firstly, it is «a new optics», which forms preconditions of development and hints at the future. As a famous Khakass poet M. Bainov said about creative activity of S. Mainagashev - «a thought wakens up countrymen...». Their creative activity acquaints a reader with searching of unknown, self-cognition, involvement into deeds and discoveries, «connects a stream of actions and a stream of consciousness».

Key words: poetry, poet, mainstream, identification, intertextuality, postmodernism.

Творчество С. Майнагашева (род. 1963, псевдоним Сибдей Том) является ярким воплощением талантливого органического синтеза художественных приемов русского иронического романтизма (Е. Баратынский), традиций хакасской поэзии (М. Чебодаев, М. Баинов, В. Майнашев), авангарда и современного постмодернизма с его метафоричностью, интертекстуальностью, со своеобразной эстетикой философичности и концептуализма – все то, что дает право обозначить это, как новые для хакасской поэзии поэтические принципы художественной интерпретации действительности. Важнейшие черты поэтики С. Майнагашева – пограничность Запада и Востока, русско-хакасская пограничность, позволившая поэту образно обозначить духовный базис и специфику ментальности славян и тюрков, сопрячь времена, воссоединив далекое, седое прошлое, настоящее и будущее. Емкий, глубокий смысл

этого пограничья заключен и в эпиграфе к русскому переводу сборника стихов С. Майнагашева «Великая степь» (1996) – «Моим крылам»:

Моим крылам  
Даны слова...  
По правой – славяне.  
Тюрки – по левой [6, с. 56].

Связующим звеном этого пограничья является поэт, в слове которого, раскрываются его философичность, этика и эстетика, размышления о прошлом, настоящем и будущем – все то, что сформировало историю и культуру тюрков и славян, что хочет сказать поэт тем и другим. Известный хакасский поэт М. Баинов в предисловии к сборнику «Великая степь» говорит об этом так: «молодой хакасский поэт умеет «будить мысль земляков», приглашая к путешествию не только в прошлое, но и в будущее. Кто они, древние тюрки и славяне? В чем суть язычества и христианства? Каковы они тайны Великой Степи? Какова судьба человечества и Человека? Кто я? Где мои корни? Какому Богу поклоняться? Эти и многие вопросы, – пишет М. Баинов, – не дают покоя «новорожденному дитя России», Сибдей Тому. В XX веке, – продолжает М. Баинов, – прошли две самые кровопролитные войны. В XX-ом веке человек затерялся среди миллионов ему подобных. Наука, техника достигли невиданных высот. Покоряют Космос. Сегодня мы видим, как «просыпаются» многие многочисленные народы, осознавая себя тоже частичкой этой жизни. Будет ли жизнь такой, как записано в Конституции? Многие народы потеряли свои корни. В том числе и хакасы. Об этом размышляет Сибдей Том, об этом болит его душа...» [1, с. 6-7].

О действительности, значимости синкретизма двух великих культур мира, человечества автор стихов заявляет в предисловии к сборнику, которое озаглавил «Манифест тюркского авангарда»: заглавие со смыслом и значением.

Автор его, что очень характерно для представителей транснациональных культур, находящихся на культурном пограничье, пытается определить значимость Слова, которое пришло к тюркам из Великой Степи, сохранившись на древних камнях письменами Кюль Тегина, Тонью Кука: на двух языках обратился к народам мира великий Навои. Славяне приняли Слово Христа и воплотили свои идеалы в «Слове о полку Игореве», в стихах Пушкина, Тютчева и Блока. «Бог испытывает нас, хакасов, двумя языками, – говорит С.

Майнагашев. – Путь к Западу открываем через русский язык, а через тюркский – к Востоку... Наш путь – великое будущее. Все больше и больше поэты будут петь свои песни. Наш авангард – богатырь, опоясанный двумя саблями...» [3, с. 8-10].

Для поэзии С. Майнагашева свойственно кодирование собственного творческого субстата, сложной современности знаками, обозначающими основы национальной ментальности (Небо, Ветер, Степь) – формируется концепт великого, емкого лирического начала, способного передать сопредельным народам, миру репрезентативное воплощение культурного сознания, духовности своего народа:

Изрекаю:

Я, Возвещающий,  
Я из Великой Степи...  
Я говорю Вам:  
Потомкам, отвергнувшим дикость,  
Привлекающих смысл заката,  
Отвергающих Бога огня, воды, Неба...  
Мои легкие – Небо.  
Дыхание – Ветер.  
Ум – бессловесность Степи...  
Да воссядет отныне  
Во веки веков  
Князь Востока!  
Свет – ему имя  
Вы спросите знак Пришельца.  
Отвечу без тайн:  
Будут стихи! [12, с. 56-57].

И эта суть в Пришельце заявляет о себе потому, что он – «потомок великих гуннов, слонявшихся в степях Саян». Но одновременно он – обычный человек, несущий в себе опыт истории, а на себе – печать своей эпохи: «руками трогаю прошлую святость..., слушаю шорох ветров по камню..., скачу на лошади..., опыт слова на чистой бумаге дан..., опыт многих явлений...». И «волнует» его «сейчас», что объединяет тюрка со всем человечеством, опыт «Смерти» и опыт «Молчания», коими прежде всего помечен тюрк: «Смысл»

доказывать «Смертью». Этим великим тоже своего рода концептам поэт посвящает гимны – «Гимн Смерти» и «Гимн Молчанию».

Через концепт Великого начала – Слово – лирический герой С. Майнагашева обращается к современникам культурного пограничья, и Слово это – то гимн, то хай, то письмо Чингис-хану. Сегодняшняя реальность не несет лирическому герою с душой и запросами поэта «утешение». Современность – пространство, созданное поэтом, образует обширное поле метапоэтики, постоянно рождающее ощущение пограничности между прошлым и настоящим, материальным и духовным, при этом духовное является двигателем, источником «всего» и «вся»: «Время играет пока в мою жизнь – / в Сибдей Том»; и хочется обрести Опыт, чтобы сделать совершенным настоящее: «Опыт Бега по чистому полю»; «Опыт Слова по чистой бумаге», «Опыт смерти»; «не драть связки по поводу или нет = / Есть Опыт Творенья, Опыт творца». Напрашивается выбор – «Дикость и / Новшество Духа ... Тебе! Покорять континент! ... Как совместить отражение / с Телом? Да так, чтобы стать Богом. / Чтобы Смерть моя стала рождением / ДУХА...». Прошлое, в центре которого Великая Степь несет тюрку основательность, «утешение в ушедшем»:

Курганы – квадратики писем ...  
Их много! И нужно успеть  
Прочсть!

Величие и основательность Прошлого тюрка и череда проблем сложного Настоящего в лирике С. Майнагашева – это тоже своеобразная оппозиция пограничья, насыщенная выразительной, образной метафоричностью, разрывающей национальные пределы и обращенной, взывающей ко всему человечеству. Создается обширное, активное поле метапоэтики, где генератором ответственности становится Слово – Метафора.:

Чтоб между строк  
Найти смысл стремленья к точке,  
Вам следует вооружиться  
Партитурой вот этих  
Стихотворений.  
И голос ветра,  
Поющий присутствие Духа  
Без всякого взрыва слов

В виде Метафор,  
Станет связкой между сердцем  
И Млечным Путем...  
И вслушивайтесь в пение Тьмы!  
Не гений читает вам стихо-творенья,  
а сам Бог, вот  
вещает Оттуда!  
О, Слава Всевышнему –  
Небу!

Что же является генератором поэтики С. Майнагашева? Пожалуй, это необычная метафоричность. Универсализм ее в том, что поэт не сравнивает, не уподобляет. Здесь нет Степи, Кургана отдельно от Земли, Земли отдельно от Неба, Неба отдельно от Космоса, Космоса отдельно от Человека. Это зрение человека вселенной. Эта метафора – «Без всякого взрыва слов / В виде Метафор, / Станет связкой меж сердцем / И Млечным Путем ...». Поэт С. Майнагашев учит нас метафорическому зрению: глаз человека видит во много раз больше, чем видел ранее. Степь у С. Майнагашева как многомерное пространство: для поэта важен мотив несовпадения культурно-национального архетипа Великой Степи с сегодняшней действительностью.

С. Майнагашев выразил в своем творчестве мировоззрение человека, живущего в эпоху кризиса идеалов. Для него важным становится решение проблемы культурной и национальной идентичности. С этой целью осуществляются интересные параболы движения – от нигилизма современной действительности к архетипам идеального свойства «Прошлой святости» и высоким ощущениям будущего: это четыре письма Чингис-хану – отцу – сыну Неба», в которых «не жалобой буквы гонимы, / а грустью». «Грустью» перечисляются пороки современных соплеменников, «забывших тюркский», а спасение в высокой мечте, «как совместить отражение / с телом? / Да так, чтобы стать Богом. / Чтобы смерть моя / стала рождением / ДУХА.

С. Майнагашев – типичный художник транснациональной культуры, когда, с одной стороны, возникает необходимость утвердить свое родное, свою национальную идентичность, а, с другой стороны, и это немаловажно, обозначить полифонический тип своего художественного мышления, отражающий многоцветье, многоплановость, а порой и противоречивость окру-

жающего мира. Свою идентичность с национальным, ментальным С. Майнагашев заявляет прямолинейно, гордо:

Где оно – чувств моих измерение?  
И мне, завертешшему мою Вселенную  
С точкой опоры в Степи.  
Близ Аскиза [10, с. 74].

Или в стихотворении «Борьба...» вновь – «и центробежная точка опоры – / Степь...». «Степь», «Великая Степь» – это и физиологическое, и духовное начало «тюрка»-поэта. Как посвящение «сплаву евразийства» и «опорным» приметам хакасской Великой Степи звучат строки стихотворения «О, мой Тибет!»:

Мое сердце отдайте орлу!  
Мое мясо подбросьте волку!  
Мои кости пусть будут прахом –  
Подкиньте ветру!  
И орлом вознесусь,  
Умчусь диким волком.  
А, может быть, громким ветром  
Приду к тебе, долгий Тибет! [4, с. 79].

Средством национальной культурной (языковой) идентификации являются хакасские слова, употребляющиеся как русский эквивалент или в качестве непереводаемого выражения: «курган», «бубен», «каган», «шаман», «хан», «изен», «хурай», «чатхан», «юрта», «читиген», «чечпэ» или, как эти строки:

Подвыпивши – разгуляешься!  
Забудешь коня у **чечпэ**, (коновязь)  
Забудешь ты **хомыс**-орла...  
Требуй вина и **айрана**...

Однако художественное сознание поэта С. Майнагашева не зацикливается в параметрах ментальности – в строках стихов звучит многообразие культурных сознаний эпох, голосов («Шекспир», «Гамлет», «Иосиф», «Прометей», «Гиппон», «Чингис-хан», «Тоньюкук»), формируется образ поливариантного мира. Многоцветие и многозвучие художественного сознания поэта культурного пограничья С. Майнагашева настойчиво утверждается им, начиная с эпиграфа к циклу и пронизывает все его содержание: «Моим крылам / Даны слова... / По правой – славяне, / Тюрки – по левой»; в письме

Чингис-хану: «Пишет тебе тюркский писчий – / Ловец русских слов, духа Тюрка»; ему интересен «стих всех народов, времен, / Отпечатанный в свиток», «напряженье секунды у грека», а все подобные акценты как бы сосредотачиваются в строках:

Получив свидетельство и штамп  
Европейских стихов, а также  
Московский воздух  
Разорванный криком  
Постмодернизма,  
Мне – стихотворцу, ваятелю,  
Вору огня Прометеева,  
Беглецу...  
Остается удвоить  
напряжение горловых связок  
И дать почувствовать, что  
Бренный наш мир  
Есть состояние потока слов...

Это «многоцветие» и «многозвучие», как и у большинства двуязычных авторов, у С. Майнагашева подкрепляется межязыковыми образованиями, типа: «и ручки «мейд ин джапон», «попытка сыграть ва-банк», «хроно» на камне», «сайд байпу!!!» («здравствуй» (монг.); «так сказать, «тет-а-тет»; обращение к поэтическим опытам разных периодов, направлений – авангарду, футуризму – связанным прежде всего с архитектоникой стиха, словом, буквой, звуком, порождающими параболу самых разных ассоциаций, напоминающие поэтическую игру: «И время играет пока в мою жизнь – в Сибдей Том», «Играя – играть в Смерть», – скажет поэт, а «Смерть» для С. Майнагашева – это очень важное философское понятие, жизненный Предел, определяющий для тюрка многое. И вот эта «игра» со временем, авангардом, футуризмом, развивающая пределы национального поэтического опыта: написание слова только прописными буквами («КАК», «БОГ», «Я», «ТЫ», «СКАЗАЛИ», «ТЮРК», «НЕБО», «СМЕРТЬ» или с прописной буквы начало слова: «Уму», «Пустота», «Камнем», «Освещающих», «Бесконечность»; необычное, со смыслом написание слова: «стихо-творенья», «бу-дут», «в себя, то есть в «Я»; окказионализмы: «мандельштамить»; современная креативная

лексика: «сфера», «гарант», «атом», «аура», «гонорар», «центробежная», «медитируя», «графоман», «экзотика»; идущая от авангарда «горланю свои стихи» с набором варваризмов: «баба», «хлестать», «тыкать», «сука», «резануть», «шваль», «заткнуть»; «игра» не только со словом, буквой, звуком, но и с графикой стиха, как в одном из многих – «Телерграмма»:

... И последнее  
Шлите все новых гонцов  
И скорее  
тчк  
Спасите земные души  
тчк  
тчк  
тчк [8, с. 82].

– метром, ритмом стиха:

... И если же – Воин,  
Звенеть булатному мечу,  
А если – Сказитель,  
Звенеть чатхану гордому,  
Но если – Каган...  
О, Небо! Горе, горе... [9, с. 83].

При этом автор этих финальных слов, строчек настойчиво отстаивает свою самобытность, свою непохожесть, отличающуюся и от «тона европейца (небрежность, / Высокомерность в словах) – / Признак упадка Империи» и, возможно, неудобную «писарям запада», разного рода критикам и «графоманам»:

... Я тюркским владею – в стихах!  
Мне подвластны уже славяне...  
Ну что ж, дело – к концу.  
Ругаться буду-ут!  
Особенно писари запада,  
Графоманы и всякая шваль...  
Будут тыкать: не в строчку,  
Ошибка, нет ритма...  
А мне до них дела нет.  
Я, главное, шлю тебе вести,



Сидя у древних курганов.

Жгу дрова и общаюсь с тобой...

У ветра (ты знаешь!)

Еще много не собранных слов! [7, с. 88-89].

В стихах двуязычного хакасского поэта С. Майнагашева буквально пульсирует сила, мощь эстетического духовного синтеза – «запад – тюрки – славяне»: ему не нужна заурядная, традиционная рифма – она у него тоже необыкновенная:

«Слова, что пыль – сотрут **столетья.**

Поет ковыль – слова на **Ветер!**»

И зачем традиционная рифма, когда ритм стиха формируется не только талантливый поэтический прием, но и мощной внутренней гармонией стиха, вобравшего в себя и эстетизм Запада, и образность русского стиха, и музыку Великой тюркской степи, как в стихотворении «Луна»:

Луна – сабля ночного Воина...

Луна – лодка, плывущая в темень...

Луна – пастух, стерегущий звезды...

Луна – девочка, ушедшая за водой и не  
вернувшаяся в ночь...

Луна – даже серп крестьянина...

Луна – песнь, текущая в струны хомыса...

Луна – украшение женщины...

Луна – тлеющая папироса на черной скатерти

Луна – это призрак света,  
затмевающий звезды

и исчезающий с криком петуха [5, с. 68].

Уход от конкретики повседневного бытия, отстраненность от него, а в этой отстраненности и формируется синтез, полифония культурных акцентов, кодов, как у С. Майнагашева – Шекспир, Гамлет, Иосиф, Гиппон, Мандельштам, Чингис-хан, Великая степь, Космос, Земля, Небо. И тот факт, что хакас С. Майнагашев не одинок в современной поэзии отечественного пограничья, – примечательно. У «метафориста»-постмодерниста А. Парщикова есть поэма «Новогодние строчки», смысл которой – призыв Человеку – приходи, Человек, твори, созидай, играй и радуйся сотворенному миру! Итог: оба современные

поэты обращаются один к библейской мифологии, другой – к тюркской и древним письменам, чтобы рассказать о вечной созидательной устремленности Человека в Космос. Интересен опыт еще одного современного поэта с ла-тышскими корнями – Марианны Озолини. Свое поэтическое творчество она связала с идеями философского наследия семьи Рерихов. Источником ее творческого пафоса стало Учение Живой Этики (Учение Огня), определившее духовные ориентиры поэтессы. В ее сборниках «Преодоление» (1991), «Дыхание сердца» (1994), «Взлетать зачарованно и смело» (1995) раскрывается ее особое видение Мира Красоты, Гармонии, Нравственности. В созвучие многочисленных молодых голосов поэтов конца XX-го века, решающих актуальную проблему «Найти дорогу к храму», влились строки ее сборника «Идя к Храму»: созидательное восхождение туда, в космическую Беспредельность:

Земля – трамплин полета  
  в Беспредельность,  
Для крыльев духа  
  отправная точка.  
Летающий смысл,  
  огненная смелость  
Сжигает все преграды и отстрочки...  
И с пламенными Логосами  
  станут  
Когда-то люди рядом  
  сотворцами  
Но и тогда сердца их не устанут  
Искать контакты  
  с высшим Мирами... [13, с. 68].

Культурные границы преодолевают, используя различные модусы самовыражения, образы, мотивы, смелые заявления художественного мира современного якутского поэта С. Осипова. Исповедальное обращение к Земле, вопрошающая молитва, «крик души» лирического героя «сбившегося с пути» звучат в его стихотворении «Прими мя в лоно, мать или земля». Образ поливариантного мира с многообразием культурных голосов лирической героини, своеобразно утверждающий национальную идентичность, характерны и для его сборника «Текущий век».

К «Небу», «свету Бесконечности» рвется беспокойная «Мысль» хакасского поэта С. Майнагашева, «стихотворца», как он себя называет, пытающегося воссоединить зовущий звездами и неизбежностью «Космос» с высокими идеалами «Великой степи».

Творчество таких транснациональных поэтов называют элитарным, так как оно оперирует в основном понятиями духовными, не вторгаясь в конкретику повседневной жизни, в то время, как большая часть современных поэтов стремится найти формы непосредственного общения с народным сознанием. В чем тогда позитивное начало транскультурной элитарной поэзии? Во-первых, это «новая оптика», которая формирует предпосылки развития и намеки на будущее. Как сказал М. Баинов о творчестве С. Майнагашева – «будит мысль земляков...». Их творчество приобщает читателя к поиску неизвестного, самопознанию, к сопричастности к деяниям и открытиям. М. Кузнецов назвал приметы подобного художественного мышления – «... сближение с научным мышлением, многовариантность ситуаций, многопричастность конфликтов, многомерность и многозначимость в изображении и оценке тех или иных явлений, стремление в одной картине соединить повествование и размышление, поток действия и поток создания, лаконизм стиля и ветвистость, многозначность фразы» [Кузнецов, 1975].

Что можно сказать о месте творчества С. Майнагашева в хакасской поэзии? Оно лишь в какой-то степени традиционно: устремленная к национальной идентичности эмоциональность, онтологическая образность и, конечно, нацеленные на креативность, как у М. Баинова, В. Майнашева, модусы поэтики и архитектоники стиха. Креативность художественного сознания С. Майнагашева подчинена какой-то особой философичности, открывающей новое видение, прорывающееся к общечеловеческому даже, как в этом мини-стихе:

Играя – играть в Смерть,  
Дыша – только Полем,  
Думать – не думая,  
И – становиться Богом! [11, с. 79].

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Баинов М.* Стихи Сибдей Тома // Сб. «Великая степь» / Пер. Н. Майнагашевой. Абакан, 1996.
2. *Кузнецов Ф.* О новой литературе // «Литературная газета». 1975, 19 февраля.
3. *Майнагашев С.* (Сибдей Том). Манифест тюрского авангарда // Сб. «Великая степь» / Пер. Н. Майнагашевой. Абакан, 1996.
4. *Майнагашев С.* Желание // Сб. «Великая степь». Абакан, 1996. С. 79.
5. *Майнагашев С.* Луна. Там же. С. 68.
6. *Майнагашев С.* Моим крылам... // Сб. «Великая степь». Абакан, 1996. С. 56.
7. *Майнагашев С.* Письмо Чингис-хану (второе) / Сб. «Великая степь». С. 88-89.
8. *Майнагашев С.* Сб. «Великая степь». С. 82.
9. *Майнагашев С.* Сб. «Великая степь». С. 83.
10. *Майнагашев С.* Чем глубже, прозрачнее мысль. Там же. С. 74.
11. *Майнагашев С.* Чем глубже, прозрачнее мысль. Там же. С. 79.
12. *Майнагашев С.Я.,* Возвещающий // Сб. «Великая степь». Абакан, 1996. С. 56-57.
13. *Озолины М.* Земля – трамплин полета // Сб. «Идя к храму». Рига, 1996. С. 68.

## REFERENCES

1. *Vainov M.* Poems SIBDOM Tom. / Coll. "Great Steppe". Abakan, 1996, pp 6-7. Translation N. Maynagashevoy.
2. *F. Kuznetsov* A new literature / "Literary Gazette." 1975, February 19.
3. *Mainagashev S.* (SIBDOM Tom). Manifesto Turkic avant-garde. / Coll. "Great Steppe". Abakan, 1996, pp 8-10. Translation N. Maynagashevoy.
4. *Mainagashev* Desire S. / Coll. "Great Steppe". Abakan, 1996.
5. *Mainagashev S.* Moon. Ibid.
6. *S. Mainagashev* my wing ... / Coll. "Great Steppe". Abakan, 1996.
7. *Mainagashev C.* Letter of Genghis Khan (second) / Coll. "Great Steppe".
8. *Mainagashev S.* Coll. "Great Steppe". S. 82.

9. *Mainagashev S.* Coll. "Great Steppe". S. 83.
10. *S. Mainagashev* deeper, clearer thought. Ibid. S. 74.
11. *S. Mainagashev* deeper, clearer thought. Ibid. S. 79.
12. *S. Mainagashev* I speak. Sb. "Great Steppe". Abakan, 1996, pp 56-57.  
Translation N. Maynagashevoy.
13. *Ozolin M.* Land – springboard flight. / Coll. "Going to the temple." Riga, 1996.

*11 июля 2014 г.*

---